

Колдовские *Миры*

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Право сильнейшего

ДОЧЬ ВОИНА, ИЛИ
КАДЕТЫ НЕ СДАЮТСЯ

Москва
2016

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
3-43

Разработка серийного оформления
А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Звездная Е.
3-43 Право сильнейшего: Дочь воина, или Кадеты не сдаются / Елена Звездная. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с.

ISBN 978-5-699-67561-6

Лучшее учебное заведение, блестящее будущее, и ты наслаждаешься жизнью, полной головокружительных приключений: нелегальные гонки, букмекерские ставки, отчаянные самоволки и фальшивые удостоверения. Но что делать, если вдруг выясняется, что ты принцесса Иристана, а твой отец прибыл забрать тебя на родную планету и хочет выдать замуж за сильнейшего из своих воинов?

Прирожденный мастер по проделкам, подставам и незаконным видам коммерческой деятельности кадет Киран МакВаррас искренне посочувствовала исторической родине. В конце концов, что такое право сильнейшего и знания симбионтов Иристана против природной вредности и запредельной находчивости кадетов первого курса Космического университета?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-67561-6

© Звездная Е., 2013
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

История первая, похмельная

Этот день с самого утра как-то не задался. Для начала мы с подружкой Микой благополучно не сдали зачет, а после с горя напились в зюю. Причем это была нехорошая зюзя, та самая зюзя, про которую на второй день вспоминать очень и очень стыдно.

И вот мы, две абсолютно пьяные и хихикающие первокурсницы, ввалились в квартиру старшего брата Микаэллы, потому как в общагу в таком состоянии глупо было бы вваливаться. К тому же Мика клятвенно заверила: «Эда нет в городе, они на полевой практике, вернутся в конце недели». И я поверила! А потому мы, хихикая, начали раздеваться еще в прихожей, после чего я, пошатываясь, пошла в ванную, а Мика вроде как отправилась искать для меня полотенце в резиденции своего старшенького.

И все бы ничего, и я даже сумела включить душ раза с пятого, и даже начала мыться, как вдруг где-то совсем рядом прозвучало:

— Бракованный навигатор, последний раз, когда я видел эту грудь, она была значительно меньше.

Медленно сползая вниз по стеклянной стеночке, я попыталась сфокусировать взгляд на родном и единственном брате Микаэллы. Взгляд фокусировался с трудом, и причина оказалась не столько в зюзе, сколько в том, что Эдвард Дрейг был великолепен. Он вообще во всем был великолепен, но в одних спор-

тивных брюках и с голым торсом представлял собой совсем уж потрясающую картину. Высокий, широкоплечий, с узкой талией и пусть не внушительной, но весьма выразительной мускулатурой. А еще у Эда загорелая, почти бронзовая кожа, белоснежная улыбка, выгоревшие и от того светлые волосы и невероятные голубые глаза... Стоит ли говорить — я с одиннадцати лет в него почти влюблена. С тех самых пор, как впервые увидела на дне рождения Мики. А в двенадцать, краснеющая, смущенная и дрожащая от осознания своей смелости, я призналась ему в любви... ввалившись ночью в его спальню. К слову, он был там не один. Но вывел меня в коридор, присел на корточки, очень внимательно выслушал и заверил: «Малыш, давай сделаем так — я все слышал и все понял, и мы обязательно вернемся к этому разговору, но лет так через... шесть. Идет?» Кстати — мне только на прошлой неделе восемнадцать исполнилось.

В двери постучали.

Эд, не отрывая взгляда от меня, протянул руку и придержал дверь, не позволяя посетителю войти.

— Сюда нельзя, — чуть повысив голос, произнес он. Потом бесстыже усмехнулся и пояснил: — Тут моя девочка душ принимает.

За дверью послышалось недовольное:

— Кто?! Мика что, не одна сюда пьяная ввалилась?

— Неа, — Эдвард все так же продолжал меня разглядывать, — с подружкой.

— Да? — мужской голос за дверью приобрел нотки заинтересованности. — И что, вторая тоже совершенно пьяная?

— Ага. — Улыбка Микиного брата стала откровенно фривольной.

— Судя по многословности твоих ответов, она еще и совершенно голая.

На это Эд не ответил, но, многозначительно хмыкнув, запер дверь в ванную.

Стремительно трезвеющая, я в ужасе смотрела на героя своих детских фантазий, который, судя по потемневшему взгляду, собирался реализовывать уже весьма взрослые фантазии. Медленно, неторопливо как-то, Эдвард подошел ко мне и... протянул руку.

— Сама встать сможешь? — сдерживая улыбку, спросил он.

Как замороженная, продолжаю испуганно смотреть на Эда, пытаюсь прикрыться руками.

— Кир, — он широко улыбнулся, — Киран, все, что я хотел, я уже увидел, серьезно. Я же тут минут десять стоял, прежде чем смог хоть слово вымолвить.

Несмотря на пары алкоголя, начинаю стремительно краснеть.

— Малыш, — он осторожно взял меня за руку, потянул вверх, заставляя встать. И едва я выпрямилась, придержал за талию, так как ноги мои, кажется, решили взять тайм-аут. — Все-все, держу. Теперь давай-ка мы тебя умоем, а то реснички на щечках давно, а помада на подбородке. Кстати, головку мыть будем?

От стыда я вовсе зажмурилась, не в силах сказать хоть что-то.

— Ладно, — его ласковые губы легко и осторожно коснулись моих, — будем мыть тебя всю.

И вода тут же стала теплее.

Все остальное показалось странным нереальным сном, в котором меня аккуратно и заботливо мыли, едва касаясь интимных мест, зато осыпая поцелуями плечи, спину, волосы... И в какой-то момент я просто отключилась, то ли под воздействием алкоголя, то ли от того, что шампунь с волос уже смыли и меня уговаривали открыть глазки.

* * *

— Кир, я умираю... — простонал хриплый Микин голос.

Учитывая, что ее стон вырвал меня из дивного сна, в котором я предавалась гигиеническим процедурам

в компании ее же старшего брата, единственным ответом на реплику Мики была брошенная в нее подушка.

— Промазала, — меланхолично ответила подруга, давно привыкшая к моим утренним упражнениям в артиллерийском искусстве.

Неудача была огорчительна, но не до такой степени, чтобы просыпаться. Решительно повернувшись на другой бок, я закрыла глаза, надеясь, что сон с эротическим уклоном сжалится и вернется.

Но сон не вернулся. Даже когда, постанывая и проклиная вчерашний двенадцатый коктейль, явно бывший лишним, встала Мика и вышла из комнаты. Более того, как раз когда она вышла, мне вдруг стало очень нехорошо... Потому что дверь в нашей комнате противно так скрипит, а сейчас скрипа не было!

И это могло означать только одно — мы не в общежитии!

Дальше хуже. Тихий звук шагов, рядом с моей постелью кто-то присел, после чего майку с моего плеча чуть потянули вниз, стягивая ткань, и губы, которые так бессовестно мне снились всю ночь, стали осторожно поцеловывать, а после раздался голос Эда:

— Малыш, ты как? Голова не болит? Кофе будешь?

События вчерашнего вечера начали обретать ясность, неся невероятное осознание — кажется, эротический сон был совсем не сном. Это подтвердил и веселый смех, а затем ласковое:

— Киран, ты не спишь — когда спят, не краснеют от смущения. Вставай, я один в квартире, так что можешь в футболке ходить. Кстати, голова не болит?

— Нет... — простонала я, этой самой головой уткнувшись в простынь.

— Вот и хорошо, — меня погладили по спине, — поднимайся, поздно уже.

И он ушел.

— Ой, мама... — простонала я, чувствуя, как начинаю сгорать от стыда.

С ужасом вспоминаю, что там, в ванной на полу, остались лежать мои чулки, трусики и бюстгалтер заодно... Какой кошмар!

— Кир, ты встаешь? — раздался вопль Мики откуда-то из глубины этой далеко не маленькой квартиры.

— Нет, — буркнула я, оставаясь лежать.

Заниматься самообразованием мне времени не предоставили. Заявилась Микаэлла, стащила с меня одеяло, а после начала жаловаться:

— Кир, ну Кир, ну вставай, а то он меня убьет же.

— Кто он? — упрямо продолжаю закрывать лицо руками.

— Эдвард, — с горестным стоном Мика присела на кровать. — Они тут вчера были — Эд, Вик и еще какие-то с их выпускного курса, я их не знаю. А тут мы ввалились, ты хоть в ванную пошла, а я так, раздеваясь, и потопала на кухню, а они там... все.

Мучительно напрягая память, попыталась вспомнить, до какой степени успела раздеться Мика... вспомнила, что юбка с нее сползла еще в прихожей.

Вскинув голову, посмотрела на расстроенную подругу. Микаэлла ответила мне полным раскаяния взглядом, после чего шепотом поведала:

— Они сначала опешили, а потом Эд подскочил, в секунду стянул с себя майку, а в следующую секунду надел на меня...

Мне было жаль Мику. Очень жаль, но даже сочувствие не помешало тихо захихикать, представив себе эту картину! То-то он в ванную в одних брюках ввалился!

— Ей смешно, — возмутилась подруга, но тоже начала смеяться. Потом поделилась подробностями: — Хорошо, что я лиф успела только расстегнуть, но еще не сняла. Но чулки, подвязки и наши черные с кружевом трусики...

— Бедные мужики, — простонала я, продолжая прилагать титанические усилия, чтобы смеяться не очень громко. — Сколько их было?

— Человек десять. — Мика вдруг улыбнулась. — А знаешь, Эд почему-то не очень злой, я думала, будет хуже.

Вот об Эдварде я как раз старалась не думать. Так стыдно мне еще никогда не было.

— Пошли завтракать. — Мика поднялась, потащила меня за руку. — Пошли, я одна туда идти боюсь.

— Мне и с тобой туда идти страшно, — призналась я. — Может, мы по-тихому оденемся и назад в общагу, а?

— Хорошая идея, но кто ж меня без чтения нотаций отпустит? — Микаэлла горестно взглянула на двери. — Кир, идем...

Упрямо и отрицательно машу головой. Чего-чего, а видеть Эдварда нет никакого желания.

— Ну пожа-а-алу-у-уйста, — взмолилась подруга, и ее голубые глазки стали такие умоляющие.

На меня это всегда действует, чем Мика беззастенчиво пользуется.

Пришлось вставать и топтать вслед за ней, больше всего мечтая провалиться хоть куда-то. Белья на мне никакого не имелось, зато майка доходила почти до колен, но это не мешало рефлекторно пытаться натянуть ее еще ниже.

Квартира у Эдварда Дрейга была огромная — четыре спальни, две ваннные комнаты, причем вторая располагала джакузи величиной с маленький бассейн, большая гостиная и кухня, совмещенная со столовой. Я здесь оказалась второй раз в жизни, в первый — это когда мы с Микой в четырнадцать приезжали в столицу на концерт супермодной группы и Эд был нашей нянькой на сутки. Кстати, тогда, насколько я помню, тут обреталась...

— Доброе утро, девочки, — радостно поприветствовала нас та самая домработница. — Ох, как же вы выросли!

И пока мы смущенно отвечали про учебу и планы на будущее, из кухни послышалось:

— Мика, Кира, живо завтракать!

Пришлось плестись на кухню с видом обреченных на казнь.

Не поднимая головы и глядя на пол с энтузиазмом почитателя собственных пальцев, я прошла к столу, так же и села, продолжая изучать мраморный рисунок перед собственным носом. Мика, старательно разделявшая мой интерес к любованию полом, тоже молча села рядом.

— Вопрос номер один, — перед каждой из нас осторожно поставили по чашке с кофе, — где вы пили?

Переглядываемся с Микой, но упорно молчим.

— У вас два варианта — либо говорите сами, либо я проверю, в каком заведении с ваших карточек вчера списали деньги.

Мы с Микусей снова переглянулись, вот чего-чего, а давать Эду доступ к нашим карточкам мы не собирались — как бы деньги на них левые, впрочем, как и карточки.

— Бар у причала, — обреченно сдалась Микаэлла, — название я и сама не помню, правда, Эд.

— «Морские сирены», — вспомнила я.

Просто там мы как раз только пивом баловались, а вот пили в другом заведении, куда нас, несовершеннолетних, пустили благодаря поддельным картам авторизации, купленным за две стипендии у местного гения взлома баз данных. Да, пай-девочками мы с Микой никогда не были.

На стол передо мной опустилась тарелка, где радовал взгляд омлет с изюмом и творогом, перед Микой

поставили хлопья с апельсиновым соком. Но в отличие от подруги я на завтрак не набрасывалась.

— Не нравится? В детстве ты его любила. — Эд наклонился, взял вилку, подхватил кусочек омлета и поднес к моим губам. — Попробуй.

Одной рукой он держал столовый прибор, второй осторожно обхватил мой подбородок и повернул к себе лицом. Испуганный взгляд совестливого алкоголика начал метаться повсюду, старательно избегая голубых омутов напротив. Зато едва я заметила такие же небесно-голубые глаза Мики, смущенно покраснела, потому как очи подруги увеличились вдвое, демонстрируя крайнюю степень удивления.

— Кира, — ласково позвал Эд, — Киран, перестань смущаться, ничего страшного вчера не произошло.

И тут Мика грохнулась на пол. В буквальном смысле. На этот грохот я отреагировала испуганным вскриком, зато Эдвард спокойным:

— Микаэлла, что касается твоего поведения, мы обсудим его позже! — И опять обратился ко мне, причем снова очень ласково: — Кир, мне долго ждать?

И вот тогда я рискнула взглянуть на Эда. Наши глаза встретились. Он улыбнулся, и взгляд потеплел, после чего мне сообщили сакраментальное:

— Привет.

— Привет, — мгновенно опускаю глазки.

— Мы завтракать будем? — спросил Эдвард.

— Я и сама могу, — буркнула я.

— Не сомневался, — сообщили мне и начали банально кормить с вилочки.

Уже успевшая взгромоздиться на стул Мика грохнулась повторно, глядя, как я послушно съедаю все, чем кормит Эдвард. Но на этот раз мы оба не обратили и малейшего внимания на сей инцидент. Ровно до того момента, пока на тарелке не осталась зияющая пустота...

— Понравилось? — выдохнул Эд, с улыбкой глядя на меня.

— Да... — Правда, вкус омлета я едва ли уловила.

— Кофе, — напомнил Эдвард и выпрямился.

Зазвонил телефон. Подхватив переговорник, Эд стремительно вышел из кухни. Едва он скрылся в дверном проеме, Микаэлла подалась вперед с жадностью оголодавшего удава и прошипела:

— Это что сейчас было?!

Смущенно пожав плечами, я решила, что самое разумное в данной ситуации — сказать следующее:

— Не знаю...

— Что? — Мика чуть ли на стол не взгромоздилась. — Что между вами двумя?! Я же вижу, как он на тебя смотрит!

Подругам врать нехорошо, но тут такое дело, что рассказывать подобное еще более некрасиво, и я соврала:

— Не помню... Ничего не помню...

И все бы ничего, но тут от дверей послышалось:

— Да неужели?

Густо краснея, я попыталась глотнуть кофе. Обожглась, едва не расплескав, почти уронила чашку на стол. Эдвард, стремительный и быстрый, успел подхватить ее, и кофе не пролился на меня же. Но лучше бы пролился, хоть был бы повод сбежать из-под пристального внимания голубоглазой семейки.

— Кир, — Эдвард присел на корточки, и рука его от чашки плавно двинулась к моей руке, — а ты совсем ничего не помнишь?

— Нет. — Но ладонь отдернула.

— Совсем-совсем ничего? — Его голос приобрел низкие вибрирующие нотки.

— Нет!

Я вскочила, стул за моей спиной грохнулся бы, но Эд его перехватил. Хитро улыбаясь, медленно поднял-

ся, вернул стул на место, и все это не отрывая от меня насмешливого взгляда.

— Ну-ну, — загадочно произнес он, и снова оставил нас с Микой наедине.

Мы прислушивались к удаляющимся шагам ровно до тех пор, пока они еще были слышны, а после Микаэлла пошла в наступление:

— Последнее, что я помню, это как ты потребовала принести полотенце!

— Вместо этого ты почему-то пошла на кухню, — напомнила я.

— Пить хотелось. — Мика нахмурилась.

— А что произошло потом?

Подруга покраснела и прошептала:

— Эд в свою майку одел, перекинул через плечо и унес в спальню... И только голова коснулась подушки, я вырубилась... А ты что помнишь?

— Я?.. Эд пришел... майку надел... унес спать... — как бы и не совсем соврала.

Но Мика что-то заподозрила. Взгляд пристальный, на лице хитрющее выражение, и вопрос такой, с подковыкой:

— Ки-и-ир, а ты правда мне все рассказала?

Молча киваю, но, чтобы выглядело достоверно, решила добавить:

— Все что помню...

Мы постояли немного, потом Мика предложила:

— Валим!

— Ты просто читаешь мои мысли!

— Ага, пошли нашу одежду искать.

Одежду мы нашли быстро... все, кроме моего нижнего белья. Правда, я про трусики Мике ничего не сказала, и мы как бы искали только лиф. Даже домработницу приобщили к поискам, но тщетно. Микину одежду нашли всю, а вот мою... и даже чулочков не было!

— Так! — Микаэлла встала посреди коридора. — Я иду искать в гостевой, а ты, Кир, топай в комнату

к Эду. Если он тебе свою майку дал, может, ты там переодевалась.

— Сама туда иди! — возмутилась я.

— Мне нельзя, — сокрушенно призналась подруга.

— Это еще почему?

— Там для моей попы весьма травмоопасная ситуация. Топай давай, нам еще в универ надо.

Она исчезла в следующей комнате, а мне пришлось стучаться к Эдварду...

— Эд, можно войти? — Я еще раз постучала в дверь.

Раздался тихий смех и прозвучало спокойное:

— Ну, входи.

И сразу расхотелось мне в поисках утраченного участвовать. Стою перед дверью, вспоминаю вчерашнее и осознаю, что лучше мне так отсюда сматываться.

— Киран, хватит под дверью стоять, у меня твои трусики.

Вот после этих слов я решительно сделала шаг назад и вообще решила тихо-мирно уйти, но... куда ж я пойду в таком одеянии?! Решив делать вид, что я ничего о вчерашнем не помню, осторожно открыла дверь, снова разглядывая собственные пальчики на ногах, несмело вошла...

— Ки-и-ир. — От этого голоса у меня все внутри дрожать начинало.

За это утро я уже изучила вид своих босых ног во всех подробностях и, стараясь думать о ноготке на маленьком пальчике, который следовало бы лучше подкрасить, заикаясь, попросила:

— В-в-верните мне одежду, пожалуйста... вот.

В ответ веселое:

— Двери закрой.

Я закрыла. Едва отпустила ручку, в механизме что-то щелкнуло. Забыв о любовании полом, стремительно развернулась к двери, попыталась открыть и в результате поняла, что...

— Заперто!